

© 1990 г.

ДЭЖЕ Л.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА*

Коллективную монографию «Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис» [1] мы начали читать с определенной целью: уточнить свою позицию относительно синхронной типологической характеристики. На наш взгляд, данную проблематику можно рассматривать либо конкретно, либо абстрактно. Ясно, что в данном случае речь идет о первом пути.

Книга является первым из шести томов, посвящаемых функциональному описанию русской грамматики, при котором существенным требованием считается межъязыковое сопоставление. В этом томе оно проведено довольно последовательно, хотя и своеобразно.

* От редколлегии. В современной теории и методологии языкознания функциональный подход к исследованию языковых фактов приобретает особую актуальность в связи с обращением лингвистики к изучению языка в его реальном функционировании (ср. такие направления, как теория языкового общения, когнитивная лингвистика, лингвистическая типология, прагматика, лингвистика текста, социолингвистика, психолингвистика). В этот круг идей включается и функциональная грамматика.

Функциональное направление в грамматике существует в многообразии течений и школ. Могут быть упомянуты, в частности, концепции, развивающие идеи Пражского лингвистического кружка, французский функционализм, английское направление функциональной лингвистики, функционально ориентированные теории генеративной семантики, голландская школа (С. Дик и его сотрудники). Различные направления функциональной грамматики разрабатываются лингвистами СССР (ср., в частности, труды В. Г. Гака, Г. А. Золотовой, Н. А. Слюсаревой, Ю. С. Степанова, Н. Шведовой, Д. Н. Шмелева).

В последнее время активно развивается направление, базирующееся на понятии функционально-семантического поля (ФСП). Концепция, направленная на изучение и описание системы ФСП, положена в основу шеститомного коллективного труда «Теория функциональной грамматики» (отв. ред. А. В. Бондарко, члены редколлегии: Т. В. Булыгина, Н. А. Козинцева, С. Маслов, В. М. Павлов, О. Н. Селиверстова, М. А. Шелякин; работа ведется Отделом теории грамматики и типологических исследований Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР при участии специалистов из различных учреждений).

Первая из монографий данной серии (Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987) уже вышла в свет, в 1990 г. должны быть опубликованы тома «Темпоральность. Модальность» и «Персональность. Залоговость», в 1991 г. — «Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность», в 1992 г. — «Качественность. Количественность» и «Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность».

Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» обратилась к ряду видных лингвистов с просьбой принять участие в обсуждении проблем функциональной грамматики в связи с выходом в свет монографии, начинающей данную серию. Журнал публикует первые отклики: Л. Дэже (ВР), В. Дресслера (Австрия) и Е. Беличовой (ЧССР).

Редколлегия приглашает специалистов в данной области продолжить дискуссию, открываемую в этом номере журнала.

Весь проект и сама книга строятся на концепции А. В. Бондарко, на теории функциональных семантических полей (ФСП), которая создавалась в течение ряда лет, пока не приобрела форму, представленную в данной работе. Ее преимуществом является продуманность и прозрачность относительно главной цели: отражения семантики, содержания, выраженного грамматикой и строевой лексикой, и последовательность в реализации определенного вида функциональности, которую я называю когнитивной (в широком смысле слова). Изложение теории и основное содержание книги поражают своей новизной, хотя отдельные элементы были известны тем, кто знаком с аспектуальной школой Ю. С. Маслова. Целостное представление данного круга полей заставило нас остановиться на содержании книги детальнее, чем мы думали, так как этого требовали и типологические аспекты, неотделимые от конкретного представления. Поскольку концепция А. В. Бондарко не имела типологического компонента, то использовался подход школы А. А. Холодовича. Он повлиял и на изложение отдельных проблем, и, как нам кажется на реализацию самой концепции А. В. Бондарко.

Наша статья начинается с замечаний об истории функционального подхода к языку, без чего нельзя глубоко понять проблемы современной лингвистики, далее следуют замечания по построению книги, заканчивается статья типологическими замечаниями.

1. Об истории функционального подхода к языку. При распространении многоаспектного исследования языка, выходящего за пределы традиционной и структурной грамматики, растет и интерес к прошлому лингвистики, к учениям, недостаточно учтенным до сих пор. А. В. Бондарко также проявил значительный интерес к истории лингвистической науки (см. [2, 3]) и назвал, а отчасти и проанализировал работы своих предшественников. У нас есть особая причина остановиться на этом вопросе. Дело не в том, что А. В. Бондарко лишь перечисляет или упоминает одних, а творчеством других занимается более подробно. Каждый из нас вправе решить, кто влиял на него больше и кто меньше. Но есть определенные тенденции в истории нашей науки, которые привели некоторых ученых к сходным идеям, однако они не были в состоянии дать себе отчет в том, что идут по стопам других. Эти тенденции выявляются историографией лингвистики. Кроме того, нам кажется, имелись хорошо уловимые и понятные условия для рождения идей, концепций, при которых создавалась и продолжалась в новых формах та тенденция, которая привела к функциональному подходу в сравнении языков. (В основе нижеследующего краткого обзора лежат наши статьи, которые собраны и дополнены в готовящейся к печати работе *General typology, typological characterization and comparison: past and present.*)

У колыбели общей (типологической и генеалогической, даже ареальной) компаративной лингвистики находим двух крупных лингвистов: В. Гумбольдта и Ф. Боппа, двух друзей, которые не только представляли разные направления сравнения языков, но и рассматривали язык с различных общенаучных позиций. Нас интересует концепция Гумбольдта, точнее лишь в некоторых ее аспектах: Гумбольдт с точки зрения немецкого просвещения (*Aufklärung*) и классической философии, которые на Боппа уже не влияли.

В. Гумбольдт был не только лингвистом-теоретиком, но и философом языка. Вопрос о роли языка в познании, игравший в обществе второстепенную роль, в философии занимал центральное место. Это относится не только к концепции Гумбольдта, но и к философии Гегеля [4]. Соотноше-

ние мышления и языка, их влияние на историю, на цивилизацию, на культуру занимало В. Гумбольдта как философа и как лингвиста. В его концепции существовавшая ранее логическая общая грамматика превращается в настоящую лингвистическую дисциплину [5]. Гумбольдт был и прекрасным «конкретным» лингвистом, типологом, как об этом свидетельствует его работа о двойственности и о двойственном числе, представляющая собой вводную главу большой незаконченной монографии [6]. Работа о дуализме изучает представление «содержательной» категории двойственности, выраженной центральной формой двойственного числа в разных языках мира, относящихся к разным культурам. Была еще и другая весьма характерная черта концепции Гумбольдта, на которую мы всегда налагаемся, когда он говорит о сущности языка: опора на живую речь, противопоставленную отвлеченной, вне живой речи мертвой грамматике.

Х. Штейнталь считал себя наследником, продолжателем идей Гумбольдта, на самом деле он «очистил» концепцию этого великана от «противоречий», в которых скрывалось стремление сформулировать и решить фундаментальные проблемы нашей науки, актуальные и в наши дни. С помощью психологизма эти «противоречия» были «преодолены». Сущность теории Гумбольдта сохраняли те ученые, которые старались найти свои решения в концепциях, значительно отличных от идеи Гумбольдта. К их числу относятся А. А. Потебня и Г. Габеленц. С функционально-типологической точки зрения творчество А. А. Потебни рассматривается С. Д. Кацнельсоном [5, 7]. В трудах А. А. Потебни и Г. Габеленца сохраняется идея общей компаративной лингвистики, хотя уже в форме двух дисциплин. Их соотношение реализуется по-разному у Потебни, который был историком языка, и у Габеленца, фундаментальным трудом которого является его грамматика китайского языка. Как известно, Габеленц уже сформулировал те фундаментальные вопросы, которые нашли системное изложение в творчестве Ф. де Соссюра. В лингвистической, типологической теории Габеленца центральное место занимает описание языка от формы к содержанию и от содержания к форме. Это описание осуществляется в его грамматике китайского языка [8]. В творчестве Габеленца идеи Гумбольдта конкретизируются. Такое же требование выдвигается — вслед за В. Гумбольдтом — к общей грамматике. Славный «конец века» означал предел психологизма, который превзошел и другой крупный ученый — И. А. Бодуэн де Куртенэ, другой основоположник лингвистики XX века. На его работу о количественности [9] обратил внимание и А. В. Бондарко, но она являлась лишь фрагментом, в котором отражались его общетеоретические взгляды, подобно тому, как концепция Гумбольдта проявляется в работе о двойственности. Следует отдать должное и психологизму, который включал проблему языка и мышления в «повестку дня», в программу исследования, но у Потебни, у Бодуэна де Куртенэ и Габеленца, у каждого в контексте его концепции, в центре внимания находится не соотношение психологического и языкового, а соотношение выражаемого языком и языковых средств выражения. Каждый из них изучал язык как объект типологии, не будучи типологом в узком смысле, вместе с тем они внесли больший вклад в типологию, чем лингвисты-типологи, классифицирующие языки.

Не нуждается в объяснении связь между идеями И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, который уже мог учесть и работы О. Есперсена и Ф. Брюно. А. А. Холодович опирался на взгляды Щербы при создании своей типологической концепции, которая ставила целью точный анализ решения определенных смысловых заданий средствами разных языков.

При этом в центре стояла и определенная языковая категория: каузативность и морфологический каузатив, диатеза и пассив и т. п.

Не был типологом и О. Есперсен, но, работая над своей грандиозной грамматикой, он постоянно мыслил о фундаментальных проблемах описания не только английского языка, но и других языков и создал свою «Философию грамматики» [10] с двусторонним подходом. Для иллюстрации своих положений он пользовался в первую очередь английским языком, что сделало его метод доступным многим, в отличие от китайской грамматики Габеленца. Работа О. Есперсена, как известно, имела большое влияние на формирование взглядов И. И. Менцанинова и С. Д. Кацнельсона. Почти одновременно с публикацией О. Есперсена вышло в свет первое издание работы Ф. Брюно [11], известного знатока истории французского литературного языка. Она тоже была трудом, суммирующим искания многих лет. Учитывая деятельность этих двух ученых, мы воспользовались бы таким сравнением: в нашей науке история языка и история литературного языка являются разными дисциплинами, что соответствует их объектам. Если бы кто-нибудь попытался подробно изложить их совместно, его работа была бы диффузной. В труде Ф. Брюно изложены результаты исследования разных дисциплин о языке, к тому же их соотношение еще не выяснено (в отличие от соотношения исторической грамматики и истории литературного языка). Труд Ф. Брюно может быть по-настоящему оценен лишь после того, как он будет тщательно проанализирован и будет выделена та часть, которая относится к языкознанию в современном довольно широком его понимании. В данном отношении О. Есперсен и Ф. Брюно поступали по-разному: первый сводил свою проблематику к тематике, релевантной для лингвистики, тогда как Ф. Брюно, наоборот, расширил ее до таких пределов, куда мы не намерены последовать за ним. Заслуживает внимания «Аналитический синтаксис» О. Есперсена [12], который является — по словам автора — дополнением к его «Философии грамматики». В этой работе широкая проблематика свертывается в квазиформальное описание синтаксических отношений. Кроме того, эта работа является интереснейшим документом грамматического мышления автора в 30-е годы; здесь уже отчетливо проявляется в форме общей грамматики типология, занимая место прежнего интуитивного межязыкового сравнения.

Таким образом, форсированным маршем мы дошли до середины нашего века. Мы сосредоточили наше внимание на тех лингвистах, в творчестве которых функциональность имеет явную направленность на познавательную функцию и через нее сочетается с функцией коммуникативной, — у всех, но не в одинаковой мере. В ходе развития уточнялась и теория, и методология описания языков. Творчество лингвистов, о которых говорилось выше, объединяет еще одна особенность: они рассматривали главный объект своего исследования не только изнутри, но и извне, часто уже потому, что изучаемый язык не был родным, и (от Габеленца до Щербы) занимались и принципами преподавания иностранных языков.

Со времени О. Есперсена и Ф. Брюно до нашей эпохи цели разработки идей грамматики нового типа, ориентированной на семантику, на содержание, изменились коренным образом. В двадцатые годы она относилась к сфере теории и методологии, тогда как в наши дни речь уже идет о создании конкретных грамматик. Нам кажется, что связующим звеном является творчество В. Матезиуса, синтез которого — его описание английского языка в сравнении с чешским с точки зрения общего языкознания [13]. Его сопоставительная характерология — это опять-таки не

труд по типологии в узком смысле слова, но связь с нею неоспорима в отношении фундаментальных принципов. В. Матезиус сохранял наследие Гумбольдта, но типология (общая грамматика), несмотря на ее значительное развитие, не могла обеспечить основу для такой характеристики языка, к которой стремились он и Есперсен. Условия для этого созревают только в наши дни вслед за бурным развитием общей типологии и формированием принципов и методов в работах В. Скалички и Э. Косериу.

В то время как в описательной лингвистике функциональные грамматики дополняют имеющиеся грамматики, ориентированные в основном на форму, в типологии определяющую роль получает подход, ориентированный на содержание, а формальная типология его дополняет. Такая тенденция едва ли меняется, ибо она соответствует объекту типологии. Переворот произошел вначале в советской типологии: в школе И. И. Мещанинова (я предпочел бы называть так содержательную, или контентивную, типологию, ибо последнее название входит в характеристику целого подхода), а затем (в особом направлении) — и в школе А. А. Холодовича.

2. О концепции функциональной грамматики, построенной на основе семантических полей. В отличие от хода презентации теоретической части книги [1], мы начинаем со специфики подхода, а на общетеоретических вопросах остановимся лишь после того, как рассмотрим план структуры грамматики, для того, чтобы иметь о ней возможно более конкретное представление.

Специфическим понятием, отличающим подход А. В. Бондарко от всех других, в значительной мере изоморфных, является функционально-семантическое поле: «ФСП — это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и „строевых“ лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [1, с. 11].

Следует подчеркнуть, что ФСП, как здесь определено, относится к описанию конкретного языка. Группировка формальных единиц: морфологических средств, синтаксических конструкций и строевой лексики мыслима лишь в одном конкретном языке. Сами эти средства, однако, поддаются типологическому, метаязыковому анализу и, вслед за тем, типологической характеристике. В универсальный семантический компонент грамматики имеет выход семантическая категория, под которой имеются в виду «...основные инвариантные категориальные признаки (семантические константы), выступающие в тех или иных вариантах в языковых значениях, выраженных различными... средствами...» [1, с. 12]. Их реализация в ФСП данного языка имеет свою специфику. ФСП и лежащая в его основе семантическая категория, на наш взгляд, относят концепцию Бондарко к такому подходу, который мы назвали когнитивным (заимствуя этот термин у Х. Зайлера, см. ниже). Для того, чтобы выйти в речь, в коммуникацию, Бондарко вводит понятие категориальной ситуации (КС) — «это выражаемая различными средствами высказывания типовая (выступающая в том или ином варианте) содержательная структура, а) базирующаяся на определенной семантической категории и образуемая ею в данном языке ФСП; б) представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную, локативную и т. п.)» [1, с. 12]. На наш взгляд, данное понятие теоретически постулировано в весьма общем виде, и связь между общим определением и множеством прекрасно отобранных примеров остается неясной на протяжении

всей книги. Мы даже не уверены в необходимости такого общего определения. В отличие от концепций, которые имеют предложение в качестве исходной единицы, для когнитивно ориентированных грамматик выход в коммуникацию оказывается более сложным. Такой взгляд строится на том неоспоримом факте, что предложение-высказывание является основной единицей коммуникации. При этом, однако, коммуникация мыслится в весьма упрощенном виде. Из практики преподавания иностранных языков, где коммуникация проявляется конкретно, стало ясно, что для осуществления коммуникации, кроме грамматик, ориентированных на форму, необходимы грамматик, ориентированные на содержание, и они выполняют насущное требование коммуникации. В этом отношении преподавание иностранных языков по необходимости опередило описательную лингвистику. Нам не хотелось бы отождествлять эти две области, но нельзя не видеть и их связи.

Грамматика, ориентированная на выражение семантического основания, предполагает грамматику формальную, учитывающую коммуникацию в таком плане. Кроме того, первая содержит ряд полей с выходом в предложение, как видно из следующего перечня полей.

«1) ФСП с предикативным ядром; в данную группировку входят: а) комплекс полей аспектуальных и аспектуально-темпоральных отношений: аспектуальные поля, временная локализованность, таксис, темпоральность в ее связях с аспектуальностью и другими полями, относящимися к данному комплексу...; б) темпоральность, модальность, бытийность; в) комплекс полей, связывающих предикативность с субъектностью и объектностью: персональность, залоговость (активность/пассивность, возвратность, взаимность, переходность/непереходность);

2) ФСП с субъектно-объектным (предикатно-субъектным и предикатно-объектным) ядром: субъектность, объектность; коммуникативная перспектива высказывания (рассматриваемая в связи с субъектно-предикатными отношениями); к данной группировке по некоторым признакам примыкает определенность/неопределенность, характеризующаяся широким кругом связей с полями, относящимися к другим группировкам (существенны, в частности, связи с временной локализованностью/нелокализованностью и качественностью);

3) ФСП с качественно-количественным ядром: качественность, количественность, компаративность; к данной группировке примыкает посесивность, тяготеющая, с одной стороны, к атрибутивным отношениям (и с этой точки зрения отчасти связанная с качественной характеристикой субстанций), а с другой — к отношениям предикативным;

4) ФСП с обстоятельственным ядром: локативность; комплекс полей обусловленности (поля причины, цели, условия, уступки, следствия); с локативностью семантика обусловленности связана по признаку обстоятельственной характеристики предиката, но по другим признакам обусловленность, глубоко затрагивающая сферу межпредикатных отношений (и тем самым сопряженная с таксисом), и пространственная характеристика высказывания (прежде всего предиката) — это разные семантические сферы» [1, с. 31—32].

Построение запланированной грамматики близко к структуре современных грамматик. Это объясняется тем, что несмотря на разные подходы, грамматисты нашего времени следуют за традицией, которая выработала фундаментальные области исследования, соответствующие природе языка. Даже в более радикально когнитивной концепции Х. Зайлера по вышеуказанной причине рассматриваются «традиционные» проблемы

грамматики (например, [14]). Новизну следует искать не в этом. В современной грамматике особое внимание уделяется взаимоотношениям между разными компонентами грамматики, которые формулируются здесь как «полицентрические поля с целостным грамматическим ядром» (темпоральность, активность/пассивность) и особенно как «полицентрические поля с комплексным (гетерогенным) ядром», из которых в книге рассматриваются длительность и временная локализованность [1, с. 34]. Полицентрические поля преобладают в русском языке [1, с. 35], как и в любом другом, например, качественность, посессивность, выраженные в предложениях в номинативных синтагмах, сложных словах и т. п.

В центре исследования проекта Х. Зайлера стоят именно такие «дизензии», которые основываются на определенном семантическом инварианте, выраженном целым рядом типологически возможных средств, распределяющихся между двумя полюсами. Например, в дизензии посессивности такими полюсами являются предложения с полнозначным глаголом, выражающим обладание, с одной стороны, и сочетания двух существительных без грамматического оформления, с другой, и между ними находим разные конструкции, место которых определено двумя противоположными принципами [15]. Концепция Х. Зайлера представляет собой универсальную грамматику с типологическим компонентом, но она применима и к описанию конкретных языков. Мы никак не хотели бы навязывать чужой, к тому же еще очень сложный и своеобразный, подход авторам новой русской грамматики. Хотелось бы, однако, обратить внимание на дальнейший, более тщательный анализ разных форм организации полевых структур и связей между ФСП. Выявление центра и периферии и особенно разных типов ФСП в зависимости от структурирования центра означает важный шаг, но анализ методологии должен продолжаться в ходе конкретного изучения полей. Подход следует считать открытым. Ведь в ходе своего развития современные лингвистические концепции сохраняют лишь свои теоретические основания, их методика, их структура обновляются. Это верно и для проектов, которые ставят себе целью описание конкретного языка в определенный срок.

Так как речь идет о грамматике, которая составлена из компонентов (ФСП), ранее не изученных, особое значение будет иметь методика общего структурирования грамматики. Даже простой перечень полей с указаниями на их связи, данный А. В. Бондарко, показывает, что он отдает себе отчет в том, что проблема усовершенствования методики анализа полей является предварительным условием для установления принципов организации грамматики в целом. Не случайно имеет столь долгую историю, полную острой полемики, вопрос о соотношении основных компонентов грамматики традиционной и генеративной.

После того, как мы получили довольно точное представление о заплазированной грамматике, можем вернуться к общим вопросам функциональной грамматики, с изложения которых начинается теоретический раздел книги. Такая грамматика может реализоваться лишь в направлении от семантики к форме, которое имплицитно подразумевает направление от формы к семантике.

Функциональная грамматика в трактовке А. В. Бондарко нацелена на описание функций единиц строя языка (грамматических форм, синтаксических конструкций и строевой лексики) во взаимодействии с окружающей средой, которая может быть парадигматической (системной в широком смысле) или речевой (см. [1, с. 6—9]). Для нас неясно, почему на первый план в определении (которое было представлено в сжатом виде во

избежание длинных цитат) выдвигаются единицы строя языка. В конкретном описании грамматика и единицы строевой лексики служат для выражения семантики, для реализации семантических функций, как мы видели выше и увидим в дальнейшем, — соответственно сформулировано и определение ФСП. Сами единицы строя языка описаны лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания их функционирования. Точное и системное изложение представлено лишь в такой современной стандартной грамматике, в которой структурная функция является доминирующей, а семантическая — подчиненной, но точно разработанной (как [16]). Следует отметить, что А. В. Бондарко тщательно характеризует свой подход, элементы определений выясняются в ходе изложения. Может быть, данное им определение рассчитано на контекст функциональных направлений в советском языкознании [17], но и в таком случае оно нуждается в проверке.

А. В. Бондарко с полным правом считает свой подход к грамматике как группировке ФСП применимым и к сопоставлению языков. Его замечания по методике правильны относительно первого этапа исследования, который заключается в описании группировок ФСП в одном языке при наличии «контрастивного „фона“» [3, с. 34], но на втором этапе такой фон уже не является достаточным. Речь идет о сопоставительной грамматике (в нашем понимании), которая основывается на типологической характеристике сравниваемых языков и, следовательно, требует независимого анализа языков с учетом общей типологии.

3. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Для лингвистов, не являющихся аспектологами (к их числу отношу и себя), в современной аспектологии видится две главные тенденции.

Первая продолжает традиции славянской аспектологии, в основе которой лежало изучение вида глагола, но она изменилась коренным образом в 1970-е годы благодаря трудам Ю. С. Маслова. Как нам кажется, изменение было вызвано проблематикой межкузыкового изучения аспектуальности, распространением исследования на неславянские языки, предпосылки которого имелись и в славистике, особенно в болгаристике. Традиционная трактовка аспекта как монолитной системы не оказалась подходящей для изучения языков, в которых значительную роль играют кратность, фазовость (используем термины книги), с одной стороны, и система дейктических и релятивных временных форм, с другой (как венгерский или итальянский), несмотря на наличие в них таких черт аспектуальности, связь которых со славянской системой интуитивно чувствовалась. Сохраняя результаты давней традиции, следовало рассмотреть славянскую аспектуальность по-новому: выделить ее компоненты, с одной стороны, и установить ее место в аспектуально-темпоральных отношениях с учетом свойств предиката и через него целого предложения [18, 19]. На наш взгляд, эта фаза отражается в работе, разумеется, частично, в характеристике аспектуально-временных отношений лишь одного языка, русского.

Другая тенденция возникла из потребности анализа аспектуальных отношений в языках, в которых нет вида. Она ведет свое начало от учения Аристотеля, в котором греческие аспектуальные отношения обобщаются в форме философской системы. Ряд ученых, из которых я назвал бы в первую очередь З. Вендлера, превратил аристотелевскую систему в лингвистическую. Последняя усовершенствовалась и начинает приобретать вид анализа, применимого к общей грамматике. При этом методе значительную роль играет характеристика предикатов и тех элементов пред-

ложения, которые сигнализируют об аспектуальности. В настоящее время для нас очевидно в первой тенденции стремление к учету тех характеристик, на которых построена вторая, а обратной связи не наблюдается (за исключением единичных, правда важных, работ). Специфика разных типов аспектуальности и темпоральности осталась менее уловимой для второй тенденции, чем для первой.

Во вводном разделе главы «Аспектуальность» А. В. Бондарко, пользуясь определением, данным еще А. М. Пешковским, пишет: «А с п е к т у а л ь н о с т ь понимается нами как семантический категориальный признак „характер протекания и распределения действия во времени“... и вместе с тем как группировка ФСП, объединенных этим признаком» [1, с. 40]. Значит, аспектуальность рассматривается по своим компонентам, что, на наш взгляд, облегчает межъязыковое сравнение без того, чтобы терялись характерные черты русского языка. Они ясно выступают в отдельных ФСП группировки, которая «...включает следующие поля: лимитативность (поле, охватывающее разные типы отношений действия к пределу), длительность, кратность, фазовость, перфектность, поле действия (акциональность), поле состояния (статальность), поле отношения (реляционность)» [1, с. 42].

Единство аспектуальности, столь характерное для русского языка, имеющего систему видов, обеспечивается структурой комплексного поля: «Семантическим центром аспектуальности и вместе с тем центром формальных средств выражения аспектуальных отношений является глагольный предикат. С другой стороны, элементы аспектуальности могут выходить за пределы предиката, распространяясь на другие части высказывания. В особенности это касается обстоятельственных средств (*Посидели минут пять и ушли; Голоса постепенно замолкли* и т. п.). Собственно предикативная и обстоятельственная характеристики аспектуальных отношений объединяются в составе предикативного комплекса, включающего предикат (ядро комплекса) и все характеризующие его элементы высказывания» [1, с. 44].

В работе основное внимание уделяется отдельным полям, что является новизной коллективного труда. Вид как целостная категория хорошо известен, его сжатую характеристику можно найти и в [16, т. 1, с. 583—613]; все же у нас создалось впечатление, что с учетом результатов своих же исследований авторам следовало бы начертить новый «облик» русского вида. Читателям это было бы интересно, хотя авторов оправдывает то, что «...аспектуальность входит в более широкую функциональную сферу, связанную с идеей времени... Эта сфера включает аспектуальность („внутреннее время“ действия), временную локализованность (особый тип соотношения внутреннего и внешнего времени), темпоральность (внешнее время) и таксис (соотношение действий во времени)» [1, с. 42]. Без исследования темпоральности методом ФСП немислима адекватная картина аспектуальных и темпоральных отношений. Оба комплексных поля влекут за собой изучение других предикативных полей. В таких языках, как венгерский, аспектуальность пронизывает весь синтаксический строй, от оформления дополнений до актуального членения, и выходит в текст. Все же не только интересно, но и полезно останавливаться, пройдя определенный отрезок пути. Поскольку этого пока не сделано, после изучения темпоральности было бы целесообразно подвести итоги.

К сфере аспектуальности относятся поля лимитативности, длительности, кратности, фазовости и перфектности. В русском языке центральное положение занимает л и м и т а т и в н о с т ь. В центре ее семанти-

ческой структуры находится категориально-грамматическая лимитативность, а грамматическое ядро ФСП — это категория вида. На периферии семантической структуры находим противопоставление значений предельности/непредельности, а в плане выражения к числу периферийных компонентов относятся лексико-грамматические разряды предельных/непредельных глаголов и лексические обстоятельственные показатели типа *постепенно, совсем, наконец* (см. [1, 52]). Нам кажется, что семантический признак лимитативности является универсалией, то же можно предположить о лексических разрядах предельных и непредельных глаголов и о наличии обстоятельственных показателей. Ясно, что русский язык обладает таким типом аспектуальности, в котором лимитативность занимает центральное положение.

Основной формой выражения лимитативности является вид, пользующийся средствами словообразования, которые специфичны не только для выражения лимитативности, но и для выражения длительности, отчасти и фазовости. С точки зрения типологии формальных средств это означает, что русский язык относится к числу таких, в которых словообразование играет решающую роль в выражении аспектуальности, в отличие от языков, в которых аспектуальность проявляется в парадигматике в сочетании с темпоральностью. Это обеспечивает условия для самостоятельности выражения, возможность взаимосвязей разных полей аспектуальности с изменением способов словообразования в соответствии с изменениями семантического фундамента, с его перераспределением: в истории таких языков, как общеславянский или венгерский, произошел сдвиг в сторону лимитативности за счет кратности в системном выражении. При этом парадигма времен глагола имела определенную независимость.

Мы не останавливаемся на поле длительности, которое выражается всеми видовыми формами и разными средствами внешней детерминации (главным образом, обстоятельственными), потому что представить его кратко нельзя без того, чтобы не потерять всю его новизну.

Поля кратности и фазовости описаны В. С. Храковским, к разделу о фазовости примыкает характеристика начинательности и средств ее выражения в разных языках (автор В. П. Недялков).

В соответствии с подходом школы А. А. Холодовича и с учетом результатов исследований структурного направления в изучении аспектуальности В. С. Храковский исходит из того, что простые глагольные предложения (как языковые единицы и как высказывания), например, *Яблоко упало на землю*, «...соотносятся с множеством конкретных, т. е. индивидуальных, денотативных ситуаций и с одной абстрактной сигнификативной ситуацией... Конкретная ситуация... относится к сфере семантики речевого акта, а абстрактная ситуация — к сфере семантики языка. Участниками конкретной ситуации являются реальные предметы действительности, участниками абстрактной ситуации — обобщенные представления о предметах... которые соотносятся с ролями субъекта, объекта, адресата, инструмента и т. д.» [1, с. 125]. Можно согласиться с таким пониманием ситуации, но о нем трудно судить в таком обобщенном изложении.

Что касается изучения аспекта, то по сравнению с взглядами А. В. Бондарко наблюдается перенос акцента на пропозицию: «...естественным объектом аспектологического анализа является не просто действие или глагольный предикат, а целиком вся пропозиция или ситуация, выражаемая в глагольном предложении» [1, с. 125]. Зная процесс формирования концепции А. В. Бондарко и подхода школы А. А. Холодовича, следует

констатировать, что такое различие в акцентах естественно, даже полезно. На соотношении двух концепций мы должны остановиться, потому что речь идет не только о взглядах участников одного проекта: это соотношение имеет более общий характер.

Исследования А. В. Бондарко начались с анализа морфологических категорий, в особенности вида, и от него приближались к проблематике синтаксиса в ходе общего развития школы Ю. С. Маслова и развития своей концепции. Языковое содержание в морфологии отражается иначе, чем в синтаксисе, с изучения которого брала свое начало школа Холодовича, рассматривая грамматику (в центре которой находится синтаксис) как решение смысловых задач. Общей чертой обеих концепций была ориентация на содержание, которое толковалось по-разному, различия остаются и при трактовке вопросов русского языка, несмотря на стремление к сближению. Однако описание целой системы одного конкретного языка не бывает методологически единым, разногласие может быть скрытым или открытым, мы предпочитаем последнее. Хотя нельзя обойти молчанием разногласие в подходах, было бы крупной ошибкой не видеть фундаментального согласия, которого авторы достигли в трактовке функциональной грамматики и вопросов русского языка.

Кратность можно отнести к количественной аспектуальности, при изучении которой кроме лексических значений глаголов, аспектуально релевантных обстоятельств и видо-временного значения глагольной формы следует учесть и денотативный статус актантов (см. [1, с. 126]), который связан с конкретными ситуациями. «Семантический признак кратности ситуаций реализуется как совокупность двух сопряженных значений: однократности и неоднократности. Одно из этих значений присоединяется к значению предикативных, главным образом глагольных лексем» [1, с. 126], при этом В. С. Храковский подчеркивает, что значение данного признака относится и к ситуации, выражаемой в предложении. К универсальным компонентам относятся семантические классы глаголов и слова, а также словосочетания, выражающие кратность [1, с. 126—127]. В отличие от хорошо известного явления лимитативности, кратность нуждается в конкретизации. В. С. Храковский предлагает исчисление неоднократности, строящееся на двух признаках: I — повторяющиеся ситуации занимают (а) один период, (б) разные периоды времени, II — набор актантов (а) тождествен, (б) не тождествен. Из четырех логических возможностей в русском языке реализуются три: (1) мультипликативный (собирательный) тип, локализованный во времени (Ia, IIa): *Больной кашлял всю ночь*, (2) дистрибутивный (собирательный) тип, локализованный во времени (Ia, IIб): *Лисица перетаскала соседских цыплят*; (3) итеративный (дискретный) тип, не локализованный во времени (Iб, IIa): *Больной кашляет каждую ночь*. Примеры оправдывают и определение кратности, и ее типизацию. Автор считает свою классификацию универсальной. На наш взгляд, ее можно считать универсальной в том смысле, что она содержит минимум факторов, который представлен и в языке, выражающем кратность ограниченным набором формальных средств. Исчисление нуждается в проверке на материале языков, располагающих системой суффиксов кратности и элементами лимитативной аспектуальности. Таким языком является венгерский.

По аспектуальной теории Ю. С. Маслова, ф а з о в о с т ь, фазовая детерминация предполагает выделение одной из фаз (начальной, срединной или конечной) в протекании действия или состояния. Вероятно, лишь начальная фаза имеет такое самостоятельное аспектуальное значе-

ние, которое выражается чаще других и разными формальными средствами (см. [1, с. 153]). Глаголы со значениями «начинать», «переставать», «продолжать» эксплицитно выражают фазовые значения. Каждое из них может сочетаться с предикатами, обозначающими действия, которые локализируются во времени и по своей природе могут прерываться и возобновляться (см. [1, с. 155]). Русский язык имеет ряд лексико-грамматических средств, обозначающих начало действия (приставки: *за-*, *по-*, *вз-* и *воз-*, *раз-* и конфиксы *раз — ся*, *за — ся*: например, *заскрипеть*, *полететь* и т. п.). Они хорошо известны, то же самое можно сказать и о разных глаголах, обозначающих начало действия. Из тщательного учета грамматических и лексических средств явствует, что грамматико-лексические средства выражения прекращения действия более ограничены. Продолжение может быть выражено лишь глаголами (*не переставать*, *продолжать*, *остаться/оставаться*). Судя по анализу фазовости в русском языке, проведенному В. С. Храковским, да и по сведениям о разных языках, типологически плодотворным является прежде всего изучение начинательности и средств ее выражения. Такое предположение оправдывается межъязыковым сравнением В. П. Нодялкова, вскрывающим богатую проблематику начинательности.

В последнем разделе главы об аспектуальности рассматривается *п е р ф е к т н о с т ь*. Определение Ю. С. Маслова мы процитируем почти целиком, ибо оно связывает два комплексных поля: аспектуальность и темпоральность и вместе с тем два вида связи этих полей: в одном доминирует аспектуальность, в другом — темпоральность (имея в виду прототипические построения): «Перфектность — семантическая категория в рамках аспектуальности, характеризующаяся своеобразной временной двойственностью, соединением в одной предикативной (или свернуто-предикативной) единице двух так или иначе связанных между собой временных планов — предшествующего и последующего. Связь между этими двумя планами является причинно-следственной в самом широком смысле слова» [1, с. 195].

«Входя в сферу аспектуальности, перфектность своеобразно пересекается с дейктической темпоральностью: более поздний временной план в составе двупланового „перфектного единства“ так или иначе ориентирован в потоке времени. Этот план либо включает *hic et nunc* говорящего — и тогда мы имеем с о б с т в е н н о - п е р ф е к т н о е значение в одном из его вариантов, либо же опирается на какую-то иную „точку отсчета“ — и тогда мы говорим о т е м п о р а л ь н о с м е щ е н н ы х перфектных значениях, например о плюсквамперфектном» [1, с. 195].

В сфере предиката специализированным средством обеих разновидностей является «шахматовский перфект»: *Стол накрыт* (объектная диатеза), *Он влюблен* (субъектная диатеза), *Здесь накурено* (безличная). Такие конструкции составляют центр ФСП, а нецентральными, но эксплицитными Ю. С. Маслов считает такие, как: *Всеми оставленный, он продолжает идти своим путем* и *Сидел нахмурившись* (с причастиями или деепричастиями).

Отдельная глава посвящена *в р е м е н н о й л о к а л и з о в а н н о с т и*, которая стоит особняком не только в русской грамматике, но и в других языках: она обычно не имеет специальных форм выражения, хотя имеет определенную соотношенность с видом или с системой времен. В русском языке: «НСВ легко сочетается с обоими признаками (т. е. локализованностью и нелокализованностью. — Д. Л.), выявляя нейтральное отношение к их различию... СВ... обнаруживает тенденцию к сочетаемости

преимущественно с признаком Л[окализованности]» [1, с. 227]. Было бы интересно рассмотреть отношение данного поля к разным видо-временным системам для более точного понимания не только этого ФСП, но и соотношения аспектуальности и темпоральности.

Значительное место занимает глава, посвященная т а к с и с у, который обычно не бывает представлен в грамматиках русского языка, поскольку таксисные отношения выходят за пределы простого предложения, входя в сферу предложения, осложненного причастиями и деепричастиями, и вступая в соотношения двух предложений, связанных общностью субъекта, а также соотносительностью вида и времени. Для типологов совместный анализ такого типа является естественным, что не уменьшает повизну исследования таксиса в русском языке: «Единство, образуемое разнородными языковыми средствами данного языка, объединенными семантикой временных отношений между действиями-компонентами полипредикативных комплексов в рамках целостного периода времени, представляет собой ф у н к ц и о н а л ь н о - с е м а н т и ч е с к о е поле таксиса» [1, с. 238].

В определении А. В. Бондарко говорится о времени, которое, однако, понимается широко, т. е. трактуется как семантическая основа категорий вида и времени. При изучении таксиса применяется столь же полный учет формальных средств, как и при описании других ФСП. В отношениях зависимого таксиса различаются основное и второстепенное действия: *Войдя в комнату, Сергей сразу же зажег свет*, что отсутствует при независимом таксисе: *Сергей вошел в комнату и сразу же зажег свет* или *Когда Сергей вошел в комнату, он сразу же зажег свет*.

Детальный анализ обеих разновидностей таксиса, проведенный С. М. Полянским, Т. Г. Акимовой и Н. А. Козинцевой, завершается заключительными замечаниями А. В. Бондарко. Речь идет о том, что в русском языке «...чаще всего для целей общения оказывается необходимым и достаточным выражение неполной, нестрогой одновременности или разновременности. Во многих же случаях различие одновременности/разновременности вообще в речи не актуализируется, и значение таксиса сводится к общей совмещенности предикатов в едином периоде времени» [1, 295]. Как и следовало ожидать, в русском языке в поле таксиса отражается специфика отражения времени в широком смысле, «...которая заключается в сопряженности собственно временных соотношений с аспектуальными признаками и тесно связанными с ними признаками локализованности/нелокализованности ситуаций во времени. Аспектуальные признаки характеризуют не только каждое действие в отдельности, но и их сочетания в пределах полипредикативного комплекса» [1, с. 295].

Весьма обширное поле таксиса не дает возможности для формулировки типологических гипотез или межъязыкового анализа средств выражения анализируемой семантики, как это было сделано в области кратности и фазовости, зато находим сжатую характеристику зависимого таксиса в нивхском языке, в котором деепричастия пронизывают весь строй языка. По мнению В. П. Недалкова и Т. А. Отаиной, сопоставление русского с нивхским показывает, что в последнем дифференцированно выражены те смысловые отношения, которые в русском видны лишь из контекста. Это соответствует характеристике русского языка, данной А. В. Бондарко. На наш взгляд, нивхский более дифференцированно передает отношения зависимого таксиса, для выражения которого он имеет свои средства (деепричастия), употребляющиеся без ограничений, свойственных русскому языку.

Особого внимания заслуживает шкала выражения зависимого таксиса, предложенная авторами: «По признаку развития форм зависимого таксиса крайние точки (полюсы) в этой шкале непрерывности занимают, с одной стороны, языки, в которых специальные формы зависимого таксиса полностью отсутствуют, и, с другой стороны, — языки, в которых все глагольные формы в предложении, кроме независимого сказуемого, являются деепричастными. Существует, видимо, еще и третий тип языков — нейтральных к признаку зависимого таксиса (сюда, возможно, относятся языки типа вьетнамского и йоруба, где основная форма глагола может без изменения использоваться и как опорная, и как второстепенное сказуемое. Языком, приближающимся к первому типу, является арабский; языками, в разной мере приближающимися ко второму типу, — нивхский, хопи, эскимосский, алеутский, корейский, японский...» [1, с. 300].

4. Замечания о типологии и о типологической характеристике. Так как в коллективной работе отдельные поля подвергались и типологическому анализу, здесь следует лишь сформулировать методологическое обобщение и сделать дальнейшие замечания.

Основной вопрос всей статьи заключается в анализе отношения функциональной грамматики данного типа к общей типологии и типологической характеристике. Авторы-типологи не могли работать по всем правилам мастерства, их руки связывали многие неизбежные факторы (неразработанность отдельных полей, рамки одного языка и др.), но результаты позволяют нам сделать основной вывод: функциональные грамматики, в том числе и грамматика русского языка, «поддаются» типологической характеристике, основанной на общей типологии в том виде, как она представлена в подходе школы Холодовича. Имея представление о последней (см. [20]), мы и не сомневались в этом, но мы не могли знать, является ли достаточным фундаментальный изоморфизм подходов А. В. Бондарко, с одной стороны, и школы Холодовича, с другой, для создания коллективного труда. Для школы Холодовича задание описать русскую грамматику в данном плане означало бы «вызов» и привело бы, на наш взгляд, к принципиально новому расширению характерного для этой школы подхода.

Как нам кажется, в современной типологии новые разыскания расположены на определенной шкале. На одном полюсе в центре исследования оказывается отражение когнитивной функции — такой подход представлен в концепции Х. Зайлера и в работах Кёльнского проекта. На другом полюсе находится подход Т. Хопфера и С. Томпсон, который ориентирован на коммуникацию (на контекст и ситуацию), и, выходя в грамматику текста, последовательно изучает употребление или невозможность употребления грамматических форм в таком плане. Речь не идет о том, что основные функции языка не были бы учтены, но очень детальное и последовательное прослеживание одной из функций по необходимости делает такое же представление другой недостаточным. То, что сказано о типологии, может быть отнесено и к описанию конкретных языков, их типологической характеристике. Подход А. В. Бондарко ближе к когнитивному полюсу, тогда как направление школы Холодовича — к коммуникативному, но в последней школе уже вначале были заложены возможности ее расширения в формулировке «универсальных смысловых заданий».

Результаты типологических исследований показывают, что основной формой типологии является универсальная грамматика, которая становится более общей и гибкой. Это отнюдь не уменьшает значимости изу-

чения типов, которое оказалось подходящим методом для установления связей разных подсистем и для обобщения такого характера.

Типологические разыскания, ориентированные на форму, естественно дополняют те исследования, которые прослеживают выражение функций. В такой комплексной области, как изучение актуальности — темпоральности (к которой можем добавить еще модальность), наиболее осуществимой процедурой является та, которая начинается с изучения частных систем методом от содержания к форме, как представлено выше или в работе Б. Комри [24]. Нельзя не учитывать, что такие поля в чистом виде не наблюдаются в языках, поэтому исследование, ориентированное на их совместное выражение в разных языках, существенно дополняет первый подход. Из-за сложности проблематики, требующей предварительного теоретического обоснования, таких исследований весьма мало (см. работу О. Даля [22]).

Типологическая характеристика, ориентированная на форму, но учитывающая и содержание, семантику, являлась доминантной, пожалуй, исключительной возможностью для данного вида исследования. К числу таких характеристик относится и наша краткая характеристика русской грамматики [23], принципы которой установлены с учетом подхода школы Холодовича. Такая характеристика может быть расширена в направлении, представленном в рассматриваемой книге. При этом, однако, следует учесть важнейший фактор: характеристика не может довольствоваться тем, что она относит подсистемы языка к разным типологиям (к типам, частям универсальной грамматики), она должна определить своеобразие языка, которое значительно больше суммы типологических сведений. Так понимали цели типологической характеристики ученые от В. Гумбольдта до В. Скалички и Э. Косериу.

На наш взгляд, характерной особенностью последних двух десятилетий является многоаспектное представление языка, что до определенной степени существовало и раньше, но, осуществляясь все полнее, стало нормой. Оно соответствует природе языка и грамматики и реализуется в исследовательской программе (термин Лакатоса) нашей науки (см. [24]). Немыслима доминантная парадигма с одноаспектным подходом. Так как существует основной изоморфизм между синхронным и диахронным описанием отдельных языков, с одной стороны, и общекомпаративной грамматикой, — с другой, указанная тенденция все ярче отражается и в типологии. Тем самым цели типологической характеристики осложняются, зато она сможет вскрыть новые, еще неведомые аспекты языка и вернее представить языковую систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория функциональной грамматики. Введение. Актуальность. Временная локализованность. Таксилс. Л., 1984.
2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
3. Бондарко А. В. Из истории разработки концепций языкового содержания в отечественном языкознании XIX века (К. С. Аксаков, А. А. Потебня, В. П. Сланский) // Грамматические концепции языкознания XIX века. Л., 1985. С. 79—123.
4. Kelemen F. A népszóllem a nyelv géniusza. Történelem, közösség, nyelv, összefüggése a klasszikus német filozófiában. Bp., 1985.
5. Кацнельсон С. Д. История типологических учений // Грамматические концепции в языкознании XIX века. М., 1985. С. 6—58.
6. Humboldt W. Über den Dualis // Humboldt W. Werke. / Hrsg. von Leitzmann A. Bd VI.1. B., 1907. S. 4—30.
7. Кацнельсон С. Д. Теоретико-грамматическая концепция А. А. Потебни // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985. С. 59—78.